

«Сов. артест» / апр. 1966.

ВСТРЕЧИ С БОЛЬШИМ ТЕАТРОМ

Эта статья С. Коненкова написана им специально для создающейся сейчас книги о Большом театре.

Это первая публикация статьи без права перепечатки.

ПЕРВЫЕ мои встречи с музыкальным театром, с оперой произошли в Рославле, где я учился в прогимназии. Во время масленичных гуляний 1890 года в Рославле выступала труппа Украинского театра. Мы, гимназисты старших классов, не пропустили ни одного представления. Навсегда запомнились мне музыка и песенные арии и дуэты из «Наталки-Полтавки», «Запорожца за Дунаем». Привольные мелодии украинского народа запали мне в душу.

О Большом театре я был слышан задолго до приезда в Москву. Как только остались позади треволения экзаменационной поры, пренебрегая скудостью средств, отправился туда.

Большой потряс меня. Все в нем было величаво, значительно. Летящие ввысь ярусы. Огромная, сверкающая люстра. Прекрасная акустика. Оркестр, насчитывающий сто двадцать музыкантов и, по справедливости, считавшийся в ту пору лучшим в мире.

В Большом театре блистал тогда «Аполлон московский» — статный, высокого роста баритон Хохлов. Он был неподражаем в «Онегине». До восшествия Федора Шаляпина Хохлов безраздельно властвовал над сердцами московских любителей музыки и над студенческой галеркой, где свободный полет его красивого голоса вызывал наибольший восторг.

Мы слушали Тютюника — сладкозвучного Яяна в «Руслане». Вас Власов пел Руслана.

Любовь москвичей к своему оперному театру была огромной. Даже в те далекие годы непостоянно было приобрести билет не только на премьеры, но почти на каждый спектакль. Я и мой земляк и товарищ по училищу живописи, ваяния и зодчества Межанинов вставали в очередь за билетами с вечера и дежурили всю ночь попеременно. У Межанинова, сына директора Рославльского технического железнодорожного училища, была теплая меховая доха. В нее-то и влезали мы по очереди, коротая осенние, а то и зимние ночи у кассы Большого театра.

А когда в Большой пришел Шаляпин, стало еще труднее доставать билеты. Да и сам театр стал другим.

Первая встреча с Шаляпиным произошла в опере Саввы Ивано-

вича Мамонтова. Поразил этот артист игрой, замечательным голосом своим он перевернул все и вся. Опера с приходом Шаляпина как бы родилась заново. Повсюду распеваля, подражал Шаляпину. Многие пытались перебить великого артиста, но куда там! До сего дня этого сделать никому не удалось. Такого Мефистофеля, такого Варлаама, такого царя Бориса никто не видал и не слышал еще никогда.

САМ Шаляпин был чудо-богатырь, красавец. Он ходил в русской поддевке, шелковой рубашке и русских сапогах. Где бы Шаляпин ни появлялся, производил чарующее впечатление.

Только и разговоров по Москве: Шаляпин да Шаляпин. Выступал он в «Юдифи», в «Князе Игоре», в «Дон Кихоте», и всякий раз — восторг и поклонение.

В открытом ландо, на прекрасных жеребях проезжал Шаляпин по Никитской улице мимо консерватории. Величавый, в шляпе с широкими полями, Федор Иванович отвечал на приветствия, ласково кивая головой. Шаляпин наслаждался своей властью над людскими сердцами. И, казалось, опера перешла в жизнь. Казалось, по улице ехал князь Галицкий и удало распевал: «Пожил бы я в сласть, ведь на то и власть». Но шаляпинская власть над людьми была всем желанна и мила.

Вида Шаляпина на сцене (а я старался не пропускать спектаклей с участием великого артиста), я поразился, как много может человек! Просто созерцать, просто слушать его я не мог себе позволить. Мой мозг, все чувства были в полном напряжении — я старался запомнить каждый жест его, сотни неповторимых выражений его лица, взгляд не мог оторваться от подвижной и величавой фигуры Шаляпина. Он был воплощенная пластика! Для меня, начинающего скульптора, это был неисчерпаемый клад. Нет числа карандашам и все новым порциям глины, переведенным на рисунки, скульптурные этюды все с одной модели — с Шаляпина. Он был многолик, многоцветен, неисчерпаем: Олоферн, Борис, Мефистофель, Мельник, Сусанин, Дон Кихот. Что ни роль, то открытие. Насколько он был монументален! Каждая его роль — находка, шедевр ваятеля. Искусством он приподнимал жизнь.

Я искал дружеских встреч с Шаляпиным. И со временем у нас установились добрые отношения. Однажды Федор Иванович при-

С. КОНЕНКОВ,
скульптор, лауреат
Ленинской премии

шел ко мне в мастерскую на Пресне. Прознав, что будет Шаляпин, собрались многочисленные мои друзья и знакомые — почтили его таланта. Переждав шумные приветствия, Шаляпин по нашей просьбе пел «Пророка» и «Уймись», волнения страсти, арии и народные песни.

ДАЖЕ великий скептик, дворник нашего дома Григорий Александрович пришел в полный восторг и, легши у ног Шаляпина, кричал «ура» и признавался со слезой в голосе, что испытал самую большую в жизни радость — слышать голос поистине великого артиста.

Шаляпин был весел, говорил о чем-то с увлечением, но вдруг прервал свою речь, прислушался. На кухне пели.

— Кто это? — тихо спросил Шаляпин.

Я ответил, что это Авдотья, жена нашего дворника; она ставит самовар и поет, как обычно, про себля.

— Чудо, как хорошо поет! — сказал Шаляпин, встал и пошел на кухню. Пошел и я с ним. Авдотьюшка смутилась, хотела уйти, а Шаляпин — так и вцепился в нее, не пускает, просит спеть еще. Как ни отказывалась дворничиха («Где уж мне петь-то после вас, Федор Иванович!», а уприсил ее Шаляпин. Он заучил с голоса Авдотью песню «Потеряла я колечко», а немного позже — «Прощай Ванька». Эти песни он потом много раз пел в концертах.

В 1925 году я работал над скульптурным портретом Шаляпина. Он был трудным натурщиком: во время сеансов разговаривал, то и дело брался за карандаш, все время вертелся на стуле; неожиданно вскакивал и с неподдельным интересом обходил кругом станок с только начатым мной портретом. Шаляпин не раз говорил мне, как он любит пластические искусства — особенно скульптуру. Он вполне серьезно сказал однажды, что хотел бы стать скульптором, но, зная, не суждено. «Как свеча, догорает во мне эта сокровенная мечта», — образно закончил Федор Иванович свою невольную исповедь. К слову сказать, он был прекрасным скульптором — в этом не усомнится тот, кто видел шаляпинский автопортрет. А что за чудо грим великого артиста, его умение жестом, покроем костюма, впечатляющей позой именно ле-

пить образ. Поразительных способностей человек рожден был русской землей!

Свобода выражения, с какой Шаляпин развернул перед всем миром свой огромный талант, восхищала меня, вдохновляла в работе над портретом артиста. Я изобразил Шаляпина с сомкнутыми устами, но всем его обликом хотел передать песню. Вот она сорвется с этих уст. Шаляпин только приготовился петь, а вы уже загипнотизированы и покорены его могучим даром.

Песню и музыку нельзя вылепить в буквальном смысле этого слова. Но в белокаменной глыбе мрамора — своя музыка. Ее надо вызвать и оживить. В своей скульптуре я изваял только голову Шаляпина, но мне бы хотелось передать зрителю и то, что отсутствует в скульптуре, — его могучую грудь, в которой клокочет огонь музыки. Я хотел показать Шаляпина — властителя музыки. Голос был ему послушен, как скульптору мрамор. Сложность задачи увлекала меня, требовала смелости в работе, свободного полета фантазии.

Дружеская и творческая связь моя с Шаляпиным продолжалась не одно десятилетие. Он был мне дорог и близок как певец, открывший безграничную власть музыки над человеком. Мне понятны были широкий русский характер гениального артиста и его слабости. Он был создан великим народом и явил миру титаническую душевную мощь русского человека.

Но вернемся к Большому. С годами театр становился мне все ближе и дороже. Со многими артистами мне довелось познакомиться лично. И «Аполлона московского» Хохлова, впоследствии, когда мой учитель, профессор Сергей Михайлович Волнухин лепил знаменитого певца в образе Демона, я смог узнать поближе. Но настоящая привязанность и дружба сложилась у меня с артистами оркестра Большого театра. Чудесным человеком и замечательным музыкантом был Тезавровский. Мало кто знает в наши дни, что скромному артисту, исполнявшему партию контрабаса в оркестре Большого театра, мы многим обязаны. Это он открыл и решительно поддержал замечательного мастера народной песни Митрофана Пятницкого. Как радовался все мы первому публичному выступлению русского народного хора под управлением Пятницкого.

В ЧИСЛЕ моих друзей тех давних лет первая скрипка Большого театра — Королев и вторая скрипка — Ромашков. Частенько они появлялись у меня в мастерской, да и я не реже бывал в театре на оркестровых репетициях. Запомнились: Ромашков у меня в студии самозабвенно играет Ваха, а я леплю его, тороплюсь, подгоняю себя, потому что знаю, что вот он кончит играть, и мгновенно исчезнет то особое состояние величавой торжественности духа, которое полностью покорило меня.

Я вспоминаю сегодня жизнь требовательных к себе, высококультурных музыкантов. Низкий поклон их светлой памяти. Была в них живая сила, она щедро раздаривалась, но не убывала. В театре издавался веселый рукописный журнал «Фильдерут». Этим непонятным теперь словом обозначалась сигнальная веревка в поездах или трамваях. Дергая за фильдерут, вы звонили в колокольчик, подвешенный в будке машиниста.

В «Фильдеруте» можно было вычитать массу забавных вещей. В нем участвовали Собинов и Шаляпин. Крайне интересно сейчас перелистать журнал. Но сохранились ли в архивах или в частных собраниях эти уникальные издания?

И еще я вспоминаю девятьсот пятый год. Мои друзья, музыканты, появились в студии на Арбате, говорили о революционном подъеме в театре. Эти волнующие сообщения запечатлелись рядом с другим событием, отделенным от первой русской революции годами, но близким им по духу. 7 ноября 1918 года на Красной площади в момент торжественно-го открытия выполненной мной мемориальной доски в память октябрьских бойцов, духовой оркестр и хор Большого театра исполнили торжественную кантату, написанную композитором Иваном Шведовым на слова Есенина, Клычкова и Герасимова. Организатором выступления была тогдашний директор Большого театра Малиновская. Насколько мне известно, у нее хранилась партитура кантаты, которая с тех пор ни разу не исполнялась, но, безусловно, представляет интерес как одно из первых произведений крупных форм, созданных на революционную тему. Заинимаясь историей театра, нельзя не обратить внимания и на этот небезынтересный эпизод.